

И. Заимов. Битолски надписи на Иван Владислав самодържец български. Старобългарски паметник от 1015—1016 година.

София, 1970, стр. 164+11 табл.

Надпись болгарского царя Ивана-Владислава (1015—1018) была найдена в 1956 г. в г. Битоль (Юго-Западная Македония) и издана сперва А. Бурмовым, а затем В. А. Мошиным¹. И. Заимов издал ее текст заново. Так как мраморная плита была использована в свое время как строительный материал и при этом повреждена, издателю приходится восстанавливать как целиком первую строку надписи, так и части других строк. В ряде случаев Заимов расходится со своими предшественниками в реституции текста. Некоторые лакуны так и остаются незаполненными.

В надписи говорится, что Иоанн, самодержец болгарский, с помощью богородицы и апостолов начал укреплять «град» Битоль ради спасения болгар 20 октября, а также что самодержец был родом болгарин, сын Арона, брата Самуила-самодержца, что Арон и Самуил разбили войска царя Василия [II] и что сам Самуил потерпел поражение в 6522 (1014) г. По мнению Заимова (стр. 15—17), тексту предшествовала строка, датированная началом строительных работ в Битоле 1015 г. (обоснование даты см. стр. 108—111. Согласно В. Мошину, строительство крепости началось в 1016 г.).

Мне кажется, что при издании следует четче отделять достоверное от гипотетического. Как ни правдоподобны эмендации Заимова, они все-таки не единственно возможные. В частности, не только дата в первой строке, но и само существование первой строки остается под вопросом.

Издатель характеризует палеографические особенности надписи, считая, что ее графика имеет общеполнобългарский характер (стр. 61). При этом возникает один общий вопрос: в какой мере правомерно сопоставление письма эпиграфического памятника с письмом рукошисей? Принципы работы писца и резчика были настолько различными, что всякие умозаключения, основанные на сопоставлении столь разнохарактерных памятников, оказываются рискованными. Поэтому Битольская надпись вряд ли может послужить обоснованием для пересмотра датировки раннеславянских манускриптов (стр. 62). Напротив, ее сравнение с русскими надписями XI в. из Софии может быть плодотворным.

Заимов характеризует также языковые особенности надписи Ивана-Владислава (стр. 63—76) и предлагает индексы встречающихся в надписи слов (стр. 88—95).

Общая оценка надписи дана в двух главах: одна написана Заимовым и называется «Значение надписи как памятника старобългарского языка и истории» (стр. 77—87), другая принадлежит В. Заимовой и озаглавлена «Иван-Владислав и его надпись» (стр. 97—112). В первой из них подчеркнута, что нового вносит издаваемая надпись в наши знания о болгарской истории на рубеже X и XI вв. Во-первых, мы узнаем, что Арон (Аарон) участвовал вместе с братом в битве с византийцами у Ихтимана 17 августа 986 г. Во-вторых, что после падения Охрида Битоль стал столицей Западнобългарского царства. В-третьих, в надписи употреблен титул «самодержец» (калька с греческого «автократор»), который до сих пор не был засвидетельствован в титулатуре болгарских царей. Особое значение Заимов придает употребляемому в надписи термину «болгарин»: не только Иван-Владислав называет себя болгариним по происхождению (в связи с этим Заимов полемизирует с теорией армянского происхождения последних болгарских царей — стр. 83 и сл.), но и своих подданных он именуется болгарями²; последнее обстоятельство позволяет считать, что население Битольской округи смотрело на себя как на болгар.

Во второй главе В. Заимова анализирует данные надписи в свете политической истории на рубеже X и XI вв., и прежде всего болгаро-византийской войны.

Книга завершается резюме на русском, французском, немецком и английском языках.

А. К.

St. I. Kuruses. *Ματθαῖος Γαβαλάς εἶτα Ματθαῖος μητροπολίτης Ἐφέσου* (1271—1355/60). Α'—Βιογραφικά. Ἀθήναι, 1972, р. XV + 403 + 26 tab.

Матфей, митрополит Эфеса, живший на рубеже XIII и XIV вв., оставался до последнего времени сравнительно малоизвестной фигурой. Теперь С. Курусис собрал о нем данные, сохранившиеся как в изданных, так и в неизданных источниках, и обрисовал на их основе жизненный путь этого византийского интеллектуала.

Книга Курусиса состоит из двух частей, неравных по размеру. Первая, охватывающая почти 300 страниц, — обзор источников для биографии Матфея (стр. 3—292), вторая, в пять раз меньшая, — сама биография (стр. 295—354), завершающаяся краткой, на одну страницу, и довольно банальной характеристикой Матфея как человека,

¹ А. Бурмов. Новомерен старобългарски надпис в НР Македония. — «Пламя», III, 10, 1959, стр. 84—86; В. Мошин. Битольска плоча из 1017. године. — «Македонски јазик», 17, 1966, стр. 51—61.

² См. также: Д. Ангелов. Образование на българската народност. София, 1971, стр. 335 и сл.

преданного изучению античного наследия, которого автор ставит в один ряд с Никифором Хумном и Феодором Метохитом (стр. 355), что, пожалуй, значительно преувеличивает роль героя Курусиса.

Наиболее интересна первая часть книги. До сих пор почти все, что мы знали о Матфее, черпалось из его сочинений, сохранившихся в рукописи Vindob. theol. 174, которую в свое время исследовал М. Трой, признавший ее автографом Матфея (стр. 159). Она включает богословские (стр. 164—168), филологические (стр. 168—171), философские (стр. 171—172), риторические (стр. 172—191) сочинения, в том числе две речи к Андронику II, датируемые соответственно 1325 и 1326 гг. Особенно важны для биографии Матфея его 63 письма (стр. 191—292). Курусис рассматривает письма одно за другим и устанавливает их даты (за одним исключением — № 20 — они были написаны между 1317 и 1351 гг.). По его мнению, первая тетрадь Венской рукописи содержала письма, размещенные в хронологическом порядке, тогда как в дальнейшем автор вписывал их на оставшихся свободными местах без соблюдения последовательности — только три письма в 11-й тетради расположены (может быть, случайно?) в соответствии со временем их написания (см. еще оглавление Венской рукописи: стр. 369—375).

Помимо Венского корпуса, Курусис атрибутирует Матфею 19 неизданных посланий из рукописи Paris. 2022, которые до сих пор приписывались патриарху Иоанну XIII Гликке (стр. 140—158). Исследователь аргументирует как тождеством почерков Парижской и Венской рукописей, из которых вторая признана автографом Матфея, так и их содержанием и фразеологией. Письма Парижской рукописи относятся ко времени между 1309/10 и 1313 гг. Далее, Курусис считает Матфея автором девяти писем, датируемых 1315—1316 гг., которые также включены в Paris. 2022 (стр. 122—139) и были изданы Ж. Гуйаром как анонимные (ранее их атрибутировали Иоанну Хилу).

Наконец, источником для восстановления биографии Матфея могут служить письма его современников. Курусис привлекает в этой связи две эпистолярные серии. Во-первых, это неизданные послания Михаила Гавра, содержащиеся в Венецианской рукописи Marc. 446, писанной двумя писцами, одним из которых исследователь считает самого Гавра (стр. 6). Письма Гавра Курусис относит к 1307—1327 гг. (стр. 18). Гавр был корреспондентом Матфея Эфесского, но среди его собственных посланий нет ни одного, адресованного Матфею. Отмечая это противоречие, Курусис остроумно доказывает, что Гавр писал Матфею еще до его пострижения, когда тот носил мирское имя, оставшееся до сих пор неизвестным, — теперь Курусис отождествил его с Мануилом Гавалом, адресатом многих писем Гавра (стр. 47—49). Развивая эту мысль, исследователь установил ряд парных писем в корреспонденции Гавра и Гавала, т. е. таких, одно из которых возникло как ответ на другое (стр. 50—66). Выявление подобных пар позволило Курусису в некоторых случаях исправить леммы рукописи: так, он пришел к выводу, что письмо Гавра № 332 было адресовано не Филиппу Логару, а Мануилу Гавалу (стр. 55 и сл. В книге публикуются письмо Мануила и ответ Гавра).

Во-вторых, это сборник писем во Флорентийской рукописи Laur. S. Marci 356, по большей части неизданных. Автор этих писем до сих пор не был установлен. Курусис показывает, что одним из корреспондентов анонима был Мануил Гавал, а затем, применяя тот же метод выявления пар писем, определяет, что имя анонима Флорентийской рукописи — Инеот (стр. 101—105).

Вся эта огромная и остроумная работа по идентификации и датировке массы писем, к сожалению, не вознаграждается адекватной информацией. Биография Мануила Гавала, как она восстановлена Курусисом, бедна конкретными фактами, и автор времени от времени вынужден отклоняться в сторону, говоря, например, не об учебных годах будущего митрополита, а о византийском образовании вообще (стр. 305 и сл.). Наиболее значительный факт биографии Гавала — его борьба с филладельфийским митрополитом Феодиптом (стр. 316—330), который сохранял свой пост, несмотря на открытое сопротивление Константинополю. Этот эпизод, характерный для распада византийской централизованности в первой половине XIV в., был уже предметом специального изучения¹; Курусис вносит лишь некоторые уточнения, устанавливая, например, что Феодипт умер в конце 1322 г., а не в 1324—1326 гг., как думали до сих пор (стр. 339).

Скудны и те новые данные по политической истории, которые Курусису удалось извлечь из переписки: упоминается осада Филадельфии в 1310 г., неизвестная по другим источникам (стр. 312); имеются некоторые дополнительные данные о таких крупных деятелях, как Мануил Тагарис, стратег Филадельфии (стр. 285—289), или пинкеры Алексей Филантропин (стр. 212—219, 284 и сл.). Причина этой скудости — риторичность византийской эпистографии XIV в., уходящей, как правило, от конкретной действительности. Но, может быть, изучать письма следует с иных позиций, выясняя видоизменение стереотипов и стараясь проникнуть через стереотипы к социальной психологии эпохи, которая столь же властно отражается в творчестве «малых» писателей, как и больших.

А. К.

¹ V. Laurent. Les crises religieuses à Byzance. Le schisme antiarsénite du métropolitte de Philadelphie Théolepte.— REB, 18, 1960.